

Николай ПОЧТОВАЛОВ

г. Петрозаводск

ПУШКИН В БРИТАНИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ РУССКОЙ
ПОЭЗИИ И КУЛЬТУРЫ

Чужой среди своих

(ворчливые заметки)

Пролог

В 1998 году я неожиданно понял, что всю жизнь писал не стихи, а... песни. Не буду рассказывать в подробностях, как это произошло, но для меня это было серьезным открытием. Будучи студентом, я похаживал в походы, и там, конечно же, была и гитара, но я всегда не очень любил, мягко говоря, хором петь у костра. В общем-то, я не очень обращал внимание на костровые песни, хотя приходилось аккомпанировать своим друзьям, распеваящим по несколько часов кряду. А тут: оказывается, я и сам пишу песни, которые раньше называл стихами. У меня процесс написания стихов всегда был своеобразен: в голове возникает какая-то мелодия, которая не дает спокойно жить до тех пор, пока на нее не прольются ритмически образованные строки – стихи. Потом я благополучно забывал мелодию, а стихи оставались. И всегда, ну, почти всегда, – этим стихам чего-то все-таки не хватало: они казались незавершенными. Только в 1998 году я понял, чего им не хватало: музыки или мелодии – той, на которую эти строчки и были нанизаны. И я стал писать песни

уже осознанно, хотя тогда еще не очень понимал, что это был своеобразный жанр поэзии: понимание пришло позже, значительно позже...

В конце февраля 2006 года на одном из литературных сайтов (их во «всемирной паутине» – ве-е-е-ли-и-и-ко-о-о-е множество) я увидел коротенькое объявление о том, что в Лондоне ежегодно проводится Турнир поэтов «Пушкин в Британии». Правда, по условиям в этом турнире могли принимать участие только поэты, пишущие на русском языке, но не проживающие на территории России. Но я, недолго думая, послал в Лондон необходимые по условиям конкурса десять стихотворений и, честно говоря, забыл об этом, полагая, что все равно ничего не выйдет...

Приглашение

В марте неожиданно по электронной почте пришло письмо из Лондона. Из текста я понял, что меня приглашали в Лондон на этот самый турнир, правда, – в качестве гостя. И я задумался. По условиям я должен был приехать на свои кровные, которых, понятно, всегда не хватает. А тут – Лон-

дон. Я составил примерную смету расходов и между делом, за очередным ужином, сообщил об этом приглашении жене. К моему удивлению, жена, не задумываясь, бросила: надо ехать, как-нибудь выкрутимся. Я, конечно же, подхватил эту шальную мысль и, не развивая, искренне поддержал ее, хотя еще и не задумывался о последствиях. Ведь все могло быть. Ну, например: некто просто шутит, а может, не просто шутит, а лелеет какие-то черные замыслы. Это же не в Питер скататься. Но я уже загорелся.

Отступление первое

Я начал ездить на фестивали авторской (бардовской) песни с 2001 года. На первый в своей жизни – фестиваль памяти Сергея Ожигова в Костомукше (Карелия) – попал случайно. Позвонили из Костомукши и пригласили поучаствовать: кто-то из какого-то района Карелии звонил им и спрашивал, будет ли участвовать в фестивале Почтовалов. А я до этого записал на Карельском радио часовую передачу с песнями, стихами, которая благополучно ушла в эфир. Вот оно – откуда ветер дует. На этом фестивале мне все понравилось, и лауреатское звание тоже. С тех пор я поездил предостаточно и отдавал себе отчет, что же это такое. Но, должен признаться, – я никогда не чувствовал себя в этом пространстве своим человеком: не знаю, почему...

Но это же все-таки Лондон. Туда на самолете только лететь три с половиной часа. А там еще и английский язык надо хотя бы немного знать. Но вот с языком у меня всегда было не очень. А теперь, думал я, – уже совсем поздно листать разговорники, напрягаться, тем более что эти чужие для меня слова никогда в памяти не откладывались: самое большее, на что меня хватало, это познать грамматику. Но грамматика без словарного запаса, к сожалению, – ничто. Но я уже твердо решил: еду, т.е. – лечу.

Хотите английскую визу – постоит в очереди...

Да, с визой все было не просто. Официальное приглашение я получил в апреле, как и договаривались: нам в России, как мне казалось, да кажется и до сих пор, все надо делать заранее, тем более что сжатость действий во времени всегда чревата дополнительными расходами. Я начал действовать быстро и решительно. Мой загранпаспорт, конечно же, был просрочен, но через фирму мне его сделали быстро. Билет в Питер, где есть консульство Великобритании, я тоже

купил без проблем, правда, обратно билет взял с трехдневным запасом: мало ли что...

Это мало ли что началось сразу же, как только я протянул в окошечко консульства, отстояв, конечно, огромную очередь, свое приглашение и заранее подготовленные документы и заявление. Из окошечка немедленно посыпались вопросы, естественно, на английском (а на каком же еще?). Я ничего не понял, зато сообразил, что не видать мне визы, как своих ушей, если... Это проклятое «если». Но выручила российская работница консульства: все очень просто, в приглашении не указано, где будет проживать приглашаемый. Да-а-а... Опять надо выходить на контакт с Лондоном, где уверяли, что таких приглашений оттуда понаписано в Россию великое множество и ни у кого никогда не было проблем.

Проблема была только у меня. Я ее, конечно же, решил, но на это понадобились сутки. Когда я вернулся в консульство и опять отстоял очередь, документы были приняты. Из окошечка я только и услышал: «Поэт?» (видимо, из приглашения было понятно, что я не совсем простой смертный). Я, конечно же, ответил утвердительно и тут же услышал: «А книга?» Книги у меня с собой не было, но я почему-то без промедления выдохнул в это маленькое окошечко, в незнакомый мне английский мир: «Обязательно...» – и пошел к друзьям, чтобы наконец-то закусить эти суматошные два дня. А у друзей была подаренная мной книга стихов, и закусить стало еще больше оснований.

Отступление второе

Свою первую книгу песен и стихов я издал в начале 2002 года. Это произошло внезапно для меня самого. В новогоднюю ночь с 2001 года на 2002-й, как только пробило двенадцать, я пригубил шампанское, и у меня внутри что-то екнуло. Я потихоньку, почти по-английски, ушел в свой кабинет (комнату), включил компьютер, нашел в нем все свои написанные песни и стихи и стал набрасывать макет книги. К семи утра макет был готов, но все уже спали: сообщить об этом было, к сожалению, некому. А жаль... Если бы кто-то был рядом, навряд ли бы я с таким усердием взялся за ее издание. Хотя, может быть, я занимаюсь самобичеванием. В том же году на фестивале «Санкт-Петербургский аккорд» в Питере я подарил книгу одному признанному бард-сообществом автору. Он ее полистал и выдал: «Коля, ты не поэт...» Только в 2007 году при личной встрече на одном из фестивалей тот же самый человек сказал мне: «Коля, я перечитал твою книгу: ты – поэт...»

На следующий день после обеда, как и полагалось по консульским правилам, я пришел с небольшим опозданием в консульство. Народу за документами было предостаточно. Я занял очередь и устроился в кресле, справедливо считая, что можно будет еще и поспать про запас (не очень люблю спать в поездах). Но... не тут-то было. В окошечке появилась та самая женщина, которая помогла мне понять английский язык, и, увидев меня, махнула рукой – явно мне. Я подошел к окошечку и услышал: «Вы никуда не уходите...» Я сунул ей в отверстие между мирами книгу стихов и отошел в сторону. Не прошло и минуты, как в общий зал вышел какой-то человек в строгом костюме с моей книгой, подошел ко мне и, жестикулируя, стал что-то говорить. Было не очень приятно слушать не понятную мне английскую речь, но почему-то казалось, что речь идет о моей персоне. Та самая женщина из консульства после того, как строгий человек завершил свою речь, стала переводить сказанное им. Я с изумлением узнал, что этот человек тоже писал в детстве стихи и очень любит поэзию и поэтов, поэту считает меня почетным гостем Великобритании. Он пожал мне руку, вручил паспорт с визой и махнул на прощание всем собравшимся рукой, в которой одиноко белела моя книга. Аплодисментов, конечно же, не было: пришел последним, а ухожу первым. Но я поблагодарил судьбу и вышел из консульства. Хотя о получении визы у меня уже было написано коротенькое язвительное стихотворение с упоминанием консула. Ладно уж: три дня не три недели, а дело все-таки сделано, можно приобретать авиабилеты в Лондон.

Ожидание

Хорошо, конечно, заранее подготовиться к поездке, но ждать потом два месяца – не пожелаю и врагу. Хотя, конечно, жизнь идет, и песни, и стихи пишутся, но все-таки лучше бы все делать вовремя. За две недели до отъезда я начал бомбардировать электронными письмами Лондон: хотел знать, как доехать до места проживания, где буду проживать, какая программа пребывания в Лондоне... Но, увы, мне никто так и не ответил ни на одно письмо. Это я потом уже, в Лондоне, понял, почему. А дома было не по себе: куда ж это и зачем я еду, тем более что в самом конкурсе поучаствовать все равно не удастся. Но мысль о том, что побывать в Лондоне надо, – коль такая оказия случилась, – не покидала. И это грело измученную неизвестностью душу.

Отступление третье

На песенных фестивалях все проще: во-первых, они проходят в России (по крайней мере, те, на которых я побывал), во-вторых, не надо знать иностранных языков, в-третьих, куда бы ты ни ехал, добраться довольно легко: язык, говорят, и до Киева доведет; в-четвертых, там все свои. Бывает, что и проблемы, проблемки возникают, но они – решаемые. Конечно, у меня всегда было свое представление об авторской (бардовской) песне, но что же со своим уставом лезть! Авторская песня – вообще определение не очень понятное: если песня написана, то, конечно же, автором. А вот в том ли она жанре написана? – это вопрос явно не ко мне. Я вырос на песнях Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого, хотя Окуджава мне всегда был ближе. Это трудно объяснить, но его душа проникала в мою душу беспрекословно: я ее как будто бы ждал, и она приходила всегда вовремя. Мне повезло, что я к «авторской песне» до 1998 года имел отношение опосредованное, а ведь многие из тех, с кем мне пришлось встречаться на фестивалях, выросли в атмосфере «авторской песни» и до сих пор стоят на том, что неких традиций (в чем они выражаются, не очень могут объяснить) надо придерживаться. Это, конечно, парадокс, но...

Жить в России и все время думать о том, что через какое-то время ты уже будешь в Лондоне, тяжело, особенно человеку впечатлительному. А невпечатлительных бардов, наверное, в природе не существует, как и поэтов, писателей. В голове все время крутились какие-то картинки из будущего, наворачивались пока незнакомые события, впечатления. Я даже стал задумываться: а может, и не ехать, ведь уже много чего повидал, много чего прочувствовал, может, и этого уже достаточно. Да еще эта проклятая неизвестность. Но я понимал, что внутренне уже готов ко всему, даже к самому худшему.

А чей же ты гость, Коля?

Всамолете было комфортно. Уже в воздухе я начал понимать, что Лондон, Великобритания – это значит комфорт для человека, а не помпезность, ненужная красота при полном безразличии к человеку. В самолете все было просто: материалы, расположение кресел, правила, но... Порядок – прежде всего, даже в мелочах, а самое главное – постоянная удобность, я бы даже сказал: пушистость, мягкость, как будто лежишь в своей кровати, и даже домашние тапочки рядышком – на всякий случай. Насчет тапочек это я, конечно, загнул, но ощущение домашности было.

Я сидел у иллюминатора с левого борта, и мне повезло: была ясная безоблачная погода, можно, по сути, видеть всю карту Европы или Европу (как кому) – от Прибалтики до Великобритании. Мне даже показалось, что я вижу очертания итальянского «сапога». Чего только не увидишь с высоты десяти тысяч метров: особенно после простого, но сытного обеда под красное вино. Я даже забыл о своих опасениях по поводу самого Лондона. Будь что будет.

Отступление четвертое

Я очень много слышал о «Грушинском фестивале авторской песни» (фестиваль имени Валерия Грушина), который проходит на берегу Волги, но никогда там не бывал: только по телевизору наблюдал это великое скопление народа. А в 2008 году довелось. Заранее ехать не готовился, да и не думал даже, но в апреле увидел случайно на странице самарских бардов в Интернете приглашение поучаствовать в конкурсе. Надо было прислать одну свою песню, и она могла стать «победительницей» этого месяца (каждый месяц подводились итоги), если, конечно, так решат члены жюри. А в этом случае автор песни мог пройти сразу во второй тур конкурса на Грушинском фестивале (всего там три тура). И я послал свою коротенькую песню на интернетный конкурс самарских бардов. Через месяц пришло известие о том, что моя песня стала «первой», и я задумался о поездке на Грушинский: надо хотя бы разочек побывать на самом главном фестивале авторской песни.

Приземлились мы мягко, время было уже лондонское: разница – три часа. Первый вечер в Лондоне... нет, пока еще только в одном из аэропортов – в Хитроу. Честно говоря, я как-то даже не заметил, что три с половиной часа назад был еще в Питере. Свой багаж нашел быстро. Моя гитара в кофре, за состояние которой я очень опасался, скромно стояла немного поодаль от остальных вещей: сумок, чемоданов... Сервис. Я был благодарен британской авиакомпании за проявленную аккуратность.

Аэропорт был огромен, но я быстро нашел выход и попал в зал для встречающих. Увы, меня никто не встречал, хотя еще минуту назад я на это очень надеялся. На прекрасном русском языке я стал спрашивать всех прохожих, где же лондонское метро. Мне почему-то отвечали понятным словом: «такси». Я ничего не понимал. Потом уже я узнал, что их метро и не метро вовсе, а – «underground» (не буду даже стараться выговорить это, наверное, очень простое английское слово). Я спрашивал себя: а чей же ты гость, Коля? Ответа не было: Лондон помалкивал. Но для себя я уже твердо решил: я – просто лондонский гость, и не ошибся.

Несколько стоявших поодаль кэбов (лондонских такси) радушно открывали мне свои двери. Водители о чем-то спрашивали, но мы не понимали друг друга. Я все же решительно махнул одному из них рукой в какую-то сторону, потом вспомнил, что у меня в кармане есть записка с названием отеля, найденным по Интернету, отыскал ее и протянул услужливому водителю. Тот заулыбался, утвердительно кивнул мне и стал заносить в кэб мои вещи. Я тоже потихоньку вошел в автомобиль. Я не ошибся: действительно наедине с водителем. Я стал лихо-радочно искать кошелек, который нехотел куда-то запропастился. Минуты через три я его нашел, достал десятифунтовую купюру и, показывая ее водителю, на чистом русском языке спросил: сколько будет стоить доехать до отеля. В ответ водитель стал молча выносить мои вещи из кэба. Я оторопел. Куда же мне теперь, дорогие вы мои лондонцы? Тут до меня дошло: по всей видимости, водитель кэба подумал, что я хочу доехать до отеля всего за десять фунтов. Я стал размахивать перед его носом кошельком, шелестя купюрами, показывая, что в его животике и сотни фунтов водятся. Мы нашли общий язык: водитель вернул вещи в кэб, улыбнулся, покрутил какие-то рычажки в кабине, мягко закрыл дверь и пошел на свое водительское место, закрытое от меня стеклом. Кэб торжественно тронулся и покатил в Лондон.

В кэбе было так удобно, что я стал забывать о происшедшем. Дорога была мягкая, ухоженная, хотя левостороннее движение раздражало: водитель не на том месте, где ему быть положено, встречные машины не с той стороны, – ко всему этому надо было привыкать.

В кэбе было так удобно, что я стал забывать о происшедшем. Дорога была мягкая, ухоженная, хотя левостороннее движение раздражало: водитель не на том месте, где ему быть положено, встречные машины не с той стороны, – ко всему этому надо было привыкать.

Отступление пятое

Из-за левостороннего движения я трижды чуть не угодил под колеса. Один эпизод запомнился больше других. Это было на Бейкер-стрит, когда я искал музей Шерлока Холмса. Переходя улицу, конечно же, в неподобающем месте, я по привычке повернул голову налево: дорога была пуста. Уверенным шагом стал пересекать улицу, и тут перед самым моим носом прошелестел огромный блестящий автомобиль. Из открытого окна прокричали какие-то слова (как хорошо, что я не понимаю по-английски!), а я уже медленным шагом, постоянно озираясь, наконец-то перешел улицу и присел на лавочку, чтобы отдышаться. В голове была мрачная мысль – в нашем «Курьере Карелии» некролог: «Известный карельский бард, будучи в Лондоне, трагически погиб под колесами автомобиля на Бейкер-стрит». Это немного успокоило.

Минут через десять я обратил внимание на некое табло (счетчик) за стеклом где-то под потолком автомобиля: счетчик какое-то время чирикал, а потом выплевывал очередной фунт. На счетчике уже было 24 фунта, а кэб все кружил явно по пригородным улицам Лондона: до отеля, наверное, было еще далеко. Действительно, когда кэб остановился, на счетчике явственно проступали цифры – 68. «Три с половиной тысячи на наши», – мгновенно подсчитал я. Куда ж деваться? Зато потом будет о чем вспомнить.

Я минут пять покурив на крыльце дорогого сердцу (и кошельку) отеля и нагло ввалился в холл: из Интернета знал, что здесь говорят по-русски. В окошечке ресепшн улыбалась довольно милая мордашка. Я без задержки, еще с вещами в руках, стал объяснять, чего же и на какой срок мне нужно от них. Когда я замолчал, мне на английском стали что-то объяснять. Дурдом, настоящий дурдом. Стоило ехать в такую даль, чтобы слушать непонятные слова! В ресепшн заглянула девушка, и я понял, что именно она-то и поможет мне в этом странном английском мире. И действительно: она понимала по-русски. Того, что я хотел, у них не было, зато было то, за что надо было платить в два раза дороже, чем показывала моя смета расходов. Поторговавшись, сошлись на цифре 35 (это – фунтов в сутки вместе с завтраком), и я получил ключ от номера. На часах было 20.40.

В тесноте, да не в обиде

Номер был махонький: зайти и выйти, зато с отдельным душем и большой двуспальной кроватью. За окном были слышны шаги и разговоры проходящих мимо англичан: как и дома, слышимость отличная. Даже показалось, что я на родине. Но это только показалось, а на самом деле дом далеко – за тысячи километров, а я один, как перст, один. Мысли роились в голове, а руки делали свое дело: через пятнадцать минут я уже был готов к выходу в лондонский свет. Сунул ключ от номера в карман, захлопнул дверь и по узкому коридору выскочил на улицу. Напротив увидел уютный зеленый сквер, по нему бродил с метлой, мешком и с каким-то крючком высоченный негр. На лужайке еще играло бликами солнышко, настроение поднималось. Я уверенным шагом двинулся по улице в неизвестном направлении.

Отступление шестое

В первые дни июля 2008 года я уже разбивал палатку на «Кольском бугорке» Грушинского фестиваля. Если честно, я бы не поехал, но случилась оказия: можно было на машине мурманского автора доехать прямо до места, и я решился.

Я не пишу стихи или музыку отдельно: всегда пишутся сразу песни. Мне даже кажется, что они и не пишутся, а каким-то невероятным образом складываются в голове, чтобы однажды выплеснуться уже готовенькими. В последнее время, когда происходит этот процесс, у меня даже начинает болеть голова от напряжения: то, что в это время происходит внутри меня, не поддается описанию. Но все-таки я люблю это состояние, люблю больше, чем даже последующее исполнение уже готового «продукта». Разговор о самом процессе написания песни в среде бардов возникает постоянно, но... ничего путевого из этих рассказов я не познал: у меня все как-то по-другому, но так, наверное, и должно быть.

На Грушинском была атмосфера не очень для меня приятная: я не люблю толпу, а здесь не было никакой возможности разобраться, кто есть кто, тем более что песни, которые раздавались со всех сторон, были совершенно не адекватные главному событию года авторской песни. Я, конечно, ворчун, но для меня «авторская» песня – некое откровение человека, исполняющего ее, а тут... просто нет слов.

Лондон был похож на все остальные западные города, в которых я побывал раньше, по крайней мере, та его часть, по которой я гулял. Это потом я узнал, что, оказывается, на станции лондонского метро, рядом с которой я и проживал (Кинг Кросс), в прошлом году (2005) прогремел взрыв. Но я об этом еще не знал, поэтому об этом и не думал, наслаждаясь городской тишиной. Через какое-то время я наткнулся на лондонскую национальную библиотеку, которая была уже закрыта. Но зато был открыт ирландский паб напротив, и я естественным образом очутился в приличном зале с многочисленными столами и столиками, за которыми сидели веселые люди и медленно, между разговорами, потягивали приятное на цвет пиво. На стене красовались несколько больших телевизионных экранов. За барной стойкой висели десятки пивных краников, из которых постоянно – то из одного, то из другого – в кружки лилось пиво, было уютно и тепло, пахло жареным картофелем, и несколько барменов, несуетливо исполняющих свои обязанности, казались уже почти приятелями. Я долго изучал прейскурант со множеством названий сортов пива, а потом, не выдержав напряжения от нез-

нания английского языка, просто наугад ткнул пальцем в преискурант и сказал бармену почему-то: «Давай!» Но он все прекрасно понял, и через минуту я уже шел к полусвободному столику с кружкой пива.

Отступление седьмое

В конце семидесятых у нас в Петрозаводске открылся пивной бар на Октябрьском проспекте. Я отчетливо помню это прекрасное студенческое время. Пиво было в дефиците, а тут – пивной бар. К сожалению многих, в него было практически не попасть: очередь и летом, и зимой. Да и пиво было не очень, это я сейчас понимаю. Тогда все было по-другому. А у нас проблем попасть туда вообще не было (был знакомый «вышибала»): два-три раза в неделю мы его посещали всенепрерывно. Подвальное помещение с тяжелым запахом одного сорта пива, перемешанным с запахами вяленой рыбы и креветок, сейчас, наверное, было бы полупустым, если не пустым. А тогда... Там читались написанные ночью стихи, там велись околполитические разговоры, там пелись песни, там было все, кроме, естественно, хорошего пива.

Соседи по столику делали вялые попытки заговорить со мной, увы, натываясь на мой недоуменный взгляд и попытки на пальцах объяснить, кто я такой. Но все равно было хорошо, и я еще дважды повторил свой заход к заветному кранику. Пиво было отличным. В голове посветлело: полезли какие-то стихотворные строчки, благо, блокнотик у меня всегда под рукой. В общем – благолепие. Я постепенно стал забывать о своих проблемах.

И все-таки – чужой

Всвой отель я попал после двенадцати, глаза слипались от пива и от времени, по московскому было уже около четырех утра. А на улице еще протекала какая-то жизнь: пожилая англичанка выгуливала собаку, молодой негр без усталости повторял движения, как будто бы он бросает баскетбольный мяч в кольцо. По-настоящему работать с мячом было уже нельзя – поздно. Уборщик монотонно наклонялся и своеобразными щипчиками поднимал с тротуара бумажки и окурки, кладя мусор в целлофановый мешок. Не поймешь этот Лондон: вроде все мусорят куда ни попадя, урн днем с огнем не сыщешь, а – чистота. Нам бы так.

У входа в мой отель стояли полноватая женщина и мужчина в футболке, на которой выпукло красо-

валась чья-то непонятная физиономия. Они о чем-то переговаривались и – о, чудо! – на чистом русском языке. Я обалдел: наконец-то свои!

«Неужели вы на Турнир поэтов?» – выдохнул я как-то быстро, не задумываясь о последствиях. К моему изумлению, женщина, к которой я обратился с неожиданным вопросом, спокойно спросила: «А вы откуда?» – «Я-то из России, точнее из Карелии». Так началось мое знакомство с участниками турнира.

Женщина оказалась из Германии, мужчина – из Украины. Засосало под ложечкой, я ведь тоже прожил в Украине около двадцати лет – самых, наверное, счастливых, ведь это были детство и юность. Я слушал жителя Харькова, а сам тихонечко, незаметно для собеседников ностальгировал по своему детству. Из разговора я понял, что меня никто и не собирался встречать: у них это не принято, каждый добирается до Лондона и живет сам по себе. Турнир будет проходить в Ковент Гардене в церкви Святого Павла, частично – в театральном музее. Все это произойдет через день, 1 июля, а 30 июня – свободный день, и все, кто приехал заранее, собираются просто шляться по Лондону, у каждого свои планы. Я порасспросил собеседников о том, каким образом лучше осуществлять передвижение по Лондону, и распрощался. Разговор не клеился, как будто нам вообще не о чем было говорить.

Отступление восьмое

На Соловках, где в августе 2005 года прошел первый фестиваль авторской песни «На Соловецких островах», все по-другому. Там собираются друзья: сто с лишним человек таких же, как и ты, – озабоченных авторской (бардовской) песней. Там спать-то не хочется: дорога каждая минута, жалко тратить время на сон, ведь целый год не виделась. И поговорить есть о чем, и попеть, и других послушать. А уж о самих Соловках! Это вам не Лондон... На Соловках надо побывать, чтобы ощутить дыхание Белого моря с привкусом святости и страдания. Но с Лондоном Соловки чем-то все же похожи: наверное, духом истории и отпечатком почти жестокости. Хотя это все, наверное, навеяло не совсем благоприятной погодой с надоедливым ветром. На Соловках хорошо ночью: темень кромешная, огоньки на башнях монастыря, шум волн за окошком, а в теплой комнате – накрытый стол, гитара по кругу, глаза друзей...

Я долго не мог уснуть в свою первую ночь на британской земле: мешали мысли и неумные англичане за окном. В России уже почти утро. Дома друзья, а здесь – никого, кому бы ты был нужен.

Утро в Лондоне

Будильник на сотовом пропиликал свою музыка, и я, несмотря на почти бессонную ночь, продрал глаза. За окном весело разгуливало солнышко, было не то чтобы жарко, но тепло. До окончания завтрака оставалось сорок минут, надо было поспешать. Через десять минут я уже спускался в столовую комнату.

Шведский стол хорош тем, что есть можно сколько угодно, лишь бы все это влезло, а там хоть трава не расти. И я, конечно, постарался: яичница, ветчина, сардельки, фасоль с соусом, гренки, стакан молока, кофе, – на целый день. Справился я со всем этим набором довольно исправно, не люблю ничего оставлять на тарелке, даже хлебушком ее, родимую, вылизал до блеска, а потом еще запил все это парочкой стаканов молока и накрыл завтрак стаканом сока. Все. Теперь покурить и в дорогу – по Лондону. Пока курил, познакомился еще с некоторыми конкурсантами: Италия, Израиль, Канада, Норвегия, Ирландия, Германия. Ишь, как их много, и все похожи друг на дружку: упитанные, довольные жизнью. Это у меня в кармане вошь на аркане, а у них-то все о'кей. Попробовал поговорить на поэтические темы, но не очень получилось, взгляды наши на поэзию так различались, что лучше и не затрагивать эту тему. Я из вежливости поинтересовался, кто куда, пожелал всем удачи и двинулся к лондонскому метро. Свобода! И один в поле воин!

Отступление девятое

Я люблю встречаться с незнакомыми людьми: мне с ними всегда интересно... вначале, потом с кем как. Но с собратьями по песне люблю поболтать, особенно, когда это происходит на очередном фестивале. На одном из фестивалей мы с Виктором Соколовым, питерским автором и прекрасным человеком, проспорили всю ночь по поводу одной строчки в его песне. Мне показалось, что надо заменить одно слово в ней, и я до хрипоты доказывал Виктору свою правоту, а он ни в какую не хотел ничего менять (родное ж детище!). И только часам к восьми утра мы все-таки нашли согласие: новое слово пришлось по душе и ему, и мне, а песня сразу же заиграла какими-то новыми красками. Мы оба остались довольны и собой, и ночью. А я так и не успел показать ему свою новую песню «Зима. Минус 36 и 6», за спором не хватило времени. А потом был гала-концерт, и мы разъехались, так и не досказав друг другу что-то, наверное, очень важное. В начале следующего после фестиваля года Виктор Соколов трагически погиб. И когда теперь я пою эту песню, мне кажется, что она посвящена ему.

Зима. Уныло и темно.

В пространстве замкнутом и стылом,
как облачка, колечки дыма
глыбуют в замерзшее окно:
как будто вечность замерла
в столетних половицах пола...

Я к этой вечности приколот:
жизнь, как и комната, мала...

Не очень люблю одиночество, но тут никуда не денешься. Огромный зал метро проглотил меня и не подавился. Станция принимала еще и пригородные поезда, народу было много, но никто особо не спешил: люди передвигались спокойно, без спешки. Мой первый опыт общения с кассирами (их было более десятка человек, но очередь двигалась довольно быстро) не порадовал. Я пытался объяснить, что мне нужен проездной билет на день, кассир не понимал, чего я от него хочу, я опять объяснял, в основном, на пальцах, зная только пару слов на английском: тикет, ван дэй. Но мы не могли не понять друг друга, и я, в конце концов, получил свой проездной билет, заплатив за него пять фунтов. Теперь я мог ездить целый день в метро и, конечно, на знаменитых двухэтажных лондонских автобусах.

Один шанс из миллиона

Планов было громадье, и я сначала не обратил внимания на само метро внутри. Но уже через несколько минут ощутил совершенное отличие от наших главных – московского и питерского – метрополитенов. И внизу не было спешки, даже эскалатор двигался раза в полтора медленней. Вагоны тоже были меньше наших. Нет огромных незадействованных пространств, все скупое и сдержанное, но зато удобно. Подошел мой состав (я уже давно решил, что вначале – Тауэр), я вошел в узковатую дверь и удивился: мягкие кресла, все сидят, в общем, как в маленьком уютном поезде, который кружил по парку в моем далеком детстве.

Динамик не умолкал, но не давил, не заставлял себя слушать, хотя некоторые фразы заставляли мой маленький в этом огромном английском мире мозг все время напрягаться, ведь я постоянно слышал знакомые слова – названия достопримечательностей Лондона. Но моя остановка – Тауэр. Как-то быстро, или мне это показалось, наш вагончик подошел к станции. Я вышел из вагона и сразу услышал до боли знакомые звуки: где-то

кто-то играл на электрической гитаре, хорошо играл, выводя прекрасную мелодию. В лондонском метро много всяких поворотов, тоннельчиков. За одним из них в небольшой нише и находился подземный музыкант. Небольшой усилитель, парочка звуковых колонок и гитара. Даже не хотелось идти дальше, до чего было приятно услышать своего собрата. Чуть позже я узнал, что руководство лондонского метро поощряет этих музыкантов, их музыкальный труд оплачивается метрополитеном, хотя им и не возбраняется принимать денежные подношения слушателей прямо в открытые футляры музыкальных инструментов. Но самое главное, эти музыканты ежедневно меняются местами. Я потом долго не мог отыскать понравившегося мне гитариста.

Тауэр, конечно, впечатлил, но не совсем так, как я об этом думал. Во-первых, он оказался не таким уж большим, я за короткое время обошел его вокруг, постоянно щелкая своей фотокамерой. Во-вторых, учитывая, что Лондон – вообще гремучая смесь стилей и эпох, которая успела уже влить в мою измученную душу некое состояние ожидания неожиданного, Тауэр остался в моем восприятии таким же, как и любая другая достопримечательность Лондона: здорово, конечно, но не шокирует.

Отступление десятое

Наш человек думает обо всей матушке-Земле, он не может иначе. Он – как кусочек кожи на теле Земли: если где-то ранка, то и он чувствует эту боль. И мне показалось, что в этом странном Лондоне – тоже ранка. Я не очень понимал, какая, но... ранка. Огромный город, куда уж там Петрозаводску! Но не было, не было у меня чувства, что это такое, от чего дух захватывает. Ну, не было, каюсь... У других, наверное, было, а у меня не было. Когда я стоял на Тауэрском мосту, вначале испытал восторг, помню точно, а потом какую-то оторопь: ведь к этому камню некогда прикасался... нет, не могу даже подумать. И голова сразу реагировала адекватно – болела, черт ее задери.

Когда я бродил по лондонским улочкам, на меня давили дома, вроде бы такие же, как и у нас, но уж больно давячие. Они как бы склонялись надо мной и давили на мозг, давили, давили. Удивили знаменитые двухэтажные автобусы, по этим узким улочкам – куда хотите. Ориентироваться легко, на столбах расписание, понятное даже без знания английского.

Самое главное, когда летел в Англию, я (трудно сегодня это объяснить) решил, что не буду звонить

своей знакомой в Лондоне. Если вот встречу на улицах Лондона – нет проблем. Ну, так уж мне решилось в этом английском самолете. Конечно, я понимал, что это бред сивой кобылы, но...

Встреча вне конкурса

Первое июля – первый день конкурса. Утром я проснулся от знакомой мелодии будильника на сотовом, помылся, оделся, позавтракал так же плотненько, как и в первый день, покурив на дорожку и тихонечко побрел к уже знакомой станции метро.

День был опять на удивление солнечным, не думал, что в Лондоне такие бывают, англичане, как и прежде, не спеша шли по своим делам, а я, снова озираясь по сторонам, переходил узенькую улицу, чтобы опять пройти процесс трудных объяснений в кассах метрополитена. На этот раз я был удачливее, нашел знакомое лицо в одной из касс и встал в очередь именно к этому окошечку. К моему удивлению, кассир меня узнала. Она заулыбалась, что-то прошептала и мгновенно выдала мне то, что я хотел. Я сказал ей почему-то «мерси» и уже знакомым путем двинулся в чрево метро.

Ковент Гарден был великолепен. Я еще располагал временем и поэтому решил побродить по знаменитому лондонскому островку культуры и искусства. На каждом шагу молодые люди, в основном девушки, предлагали попробовать всевозможные кулинарные изделия, конфеты, мороженое – такая реклама. Каждые пять-десять метров встречались застывшие фигуры из прошлого: принцы, короли, пираты, негры, знаменитые персонажи пьес Шекспира, сказочные персонажи. Иногда они вдруг оживали, отходили в сторону и пили чай или кофе из термосов, заедая бутербродами, а потом снова возвращались на свое рабочее место. Я до сих пор не понял, чем они зарабатывают на жизнь. Но было интересно проходить мимо: как будто постоянно переходишь из эпохи в эпоху, из сказки в жизнь, а потом опять из жизни в сказку. Здесь все просто гуляли. И я прогуливался по улицам Ковент Гардена, глаза на великолепную архитектуру, забыв, что у меня есть фотокамера, частенько перекусывая бесплатным мороженым.

А вот и церковь Святого Павла, где будет проходить конкурс. На каменном крыльце стояли какие-то люди, дверь была открыта, кто-то входил в нее, кто-то выходил, текла обыкновенная туристическая жизнь. В скверике перед церковью стояли скамейки, я услышал русскую речь и подошел к сидящим. Оказались родные люди – из Украины, они

уже довольно давно живут в пригороде Лондона, работают и на жизнь не жалуются. Приехали специально на турнир послушать поэтов. Интересно.

Тут же в скверике бродили и сами участники турнира. Я подошел к ним, поговорили ни о чем. Между нами почему-то была пропасть. Я не знал, чем это можно объяснить, но разговор не клеился. Когда началось прослушивание конкурсантов в самой церкви, я понял, почему нам не о чем говорить. Стихи вроде бы ладные, но чего-то в них не хватало. Все конкурсанты были выходцами из России, живут на Западе уже довольно давно, пишут стихи, естественно, на русском языке, пишут в основном о России, хотя Россию уже перестали понимать... Получилось: моя твоя не понимаю. Пафосно, красиво, но не мое. Зачем я сюда приехал?

Отступление одиннадцатое

В 2008 году в конце августа я побывал на Валдае (Новгородская область) на фестивале авторской песни. Встретил множество знакомых по другим фестивалям. Появились и новые для меня лица. Особенно задал в душу Валерий Киселев (Москва), его песня «Соловки» до сих пор не покидает мою голову. В песне, которая звучала в течение четырех с половиной минут, так много сказано, и не только о Соловках, – о нашей жизни, о России. Много говорили, пели: и днем, и вечером, и ночью, и на сцене, и у костра, и за столиком в небольшом кафе. Было просто здорово! Россия! Что тут еще сказать? А все-таки мысли по поводу определения «авторской» песни не покидали меня и здесь. Большинство услышанных песен никак не вписывались в мое представление об «авторской» песне, тем более что сейчас многие пишут на чужие стихи, используя некий набор музыкальных штампов, присущих якобы такой песне. Раньше, насколько я помню, были КСП – клубы самодельной песни. Мне кажется, что понятие «самодельная» было куда честнее, чем «авторская». Авторами песен или бардами я считаю тех, кто пишет песни: все свое – и стихи, и музыка, и исполнение, а самое главное – там есть поэзия.

Конкурс довольно быстро завершился, и я опять оказался свободен. Куда? На площадь Пикадилли. Давно хотел там побывать. Но по дороге надо остановиться в одном месте Лондона, чтобы завтра не блуждать: хотелось побывать в Гайд-парке.

Выхожу из метро. Довольно пустынная улица, заборы какие-то (наверное, ремонт), столб, у столба женская фигура. Знакомое лицо. Откуда? В Лондоне? Походил кругами вокруг, пригляды-

ваясь. Вроде моя знакомая по Интернету, та, которой решил не звонить. Подошел поближе. Да, точно она.

«Вы не Надя?» – громко спросил. Женщина посмотрела мне в лицо и: «Коля?» Мы долго не могли прийти в себя: болтали без умолку, бродили по узким улочкам Лондона, вышли на набережную Темзы, фотографировались. Я читал ей стихи, она рассказывала мне, как к ней приходят ее рассказы и повести. Удивительная штука – жизнь! В этот день наше виртуальное знакомство перешло в личное. Я до сих пор переписываюсь с этой удивительной женщиной. Она – писатель (не писательница, – писатель). Все, что я прочел из ее произведений, мне очень понравилось. Давно я не читал такую светлую и пронзительно чувствительную прозу. Нет, все же есть на свете справедливость!

Отступление двенадцатое

Всегда хотелось слушать песни, которые проникают в душу. Нечасто возникают такие ощущения, но бывает. У меня не так много друзей в среде «авторской» песни, но есть. Встречи с ними приносят море эмоций, связанных с услышанным. Штампы же раздражают, особенно если еще и песня ни о чем: голова начинает раскалываться, если ждешь чего-то, а песня ни к чему не приводит – пустота. Я вообще делю стихотворчество на «стихи» и «поэзию». Встречи с поэзией редки, но зато забываемы. И друзья появляются именно из поэтической среды. Как-то в Кировске (Мурманская область) на фестивале услышал молодого парня из Мурманска. Не очень складные стихи, не совсем выверенная мелодия. Но что-то меня тронуло. Мы потом долго говорили о поэзии, и я понял, что этот молодой человек – поэт. Если его не обломает среда штампованных ребят, из него выйдет прекрасный автор.

Не было печали...

Последний день в Лондоне. Все-таки удивительный город, хотя и не мой: странное чувство неопределенности по отношению к нему меня не покидает до сих пор. В последний день хотелось чего-то большего, чем было до сих пор. Я побродил-таки по Гайд-парку – огромному парковому мегаполису, посидел у мемориала принцессы Дианы. На выходе из парка увидел кавалькаду всадников в красивых костюмах на лошадях. И по привычке – на площадь Пикадилли, там почему-то мне было очень комфортно. И так хотелось еще раз попытаться выменять на что-нибудь дудочку у индуса, с которым я познакомился на травке одного из скве-

ров рядом с Пикадилли. Увы, дудочку я так и не получил, хотя предпринимал неординарные ходы в переговорах. Индус остался непреклонен.

Был последний день пребывания в Лондоне, но домой уже хотелось.

В гостиницу попал часам к десяти вечера. Рано утром – в аэропорт. Я принял душ, немного передохнул и стал собирать вещи. И вдруг... Нет, поверить в это было невозможно! У меня не было денег – этих самых английских фунтиков, чтобы добраться на метро до аэропорта. Не было, не хватало! Да, погулял... Сначала был шок, потом мысли стали собираться. Просить у кого-то в долг, пошарить по карманам. Но денег не было... А уезжать надо, дома все-таки ждут. Минут пятнадцать я мерил шагами гостиничный номер. И нашел выход!

Минут через двадцать я уже входил наперевес с гитарой в ирландский паб, который полюбил еще в первый день пребывания в этом злосчастном городе. Довольно быстро нашел молодого парня – работника паба, уроженца Украины, с которым познакомился еще в первый раз. Парень понял меня с полуслова, он куда-то исчез на пару минут и, вернувшись, перешел к делу: подключил микрофоны на небольшой сценической площадке в пабе и что-то сказал в уже подключенный микрофон на английском языке. Я все понял и, схватив первую попавшуюся пустую пивную кружку, расчехлил гитару, двинулся к своей Голгофе...

В зале был гул: люди пришли отдохнуть – попить пивка, поговорить с друзьями, приятелями. Я провел по струнам гитары, и наступила тишина. Полная, я даже вначале и не поверил. Я запел... Что я мог запеть? Конечно, свою песню, на чистом русском языке. Через две с половиной мину-

ты завершил пение: послышались немногочисленные аплодисменты и опять гул. Я снова запел – опять тишина и опять аплодисменты. Но самое главное – фунты в пивную кружку! Не помню, сколько я спел песен, но к концу моего выступления кружка была полнехонька. И я, раскланявшись под рукоплескания англичан, отсчитав недостающие мне для проезда фунты, сказав в микрофон, что всех угощаю, ушел со сцены. Гром аплодисментов был неимоверный.

В свой номер я попал только под утро: меня угощали пивом все, и я не отказывался, – было приятно. Мир! Дружба!

Отступление тринадцатое

Если бы мне кто-то сказал, что я занимаюсь не своим делом, я бы ему не поверил. Формула «авторской» песни мне не очень понятна, откуда что взялось – тоже, но... я пишу песни, и мне этот процесс нравится. А мои песни нравятся многим, и песни других авторов тоже нравятся многим. Нет, я, конечно, не знаю, какие песни нравятся людям, но знаю одно – хо-ро-ши-е!!!

И все-таки дома...

Самолет приземлился в Питере, и я пошел искать свою гитару. Ей-богу, успел выхватить ее – родимую – из кучи чемоданов и сумок, вращающихся по кругу. Это вам не Лондон. Российский сервис не утомлял, но напрягал до предела... Дома! Теперь уже окончательно – дома...

Николай ПОЧТОВАЛОВ –

поэт и бард, член Союза писателей России.

Изданы три книги стихов и песен:

«Пожелай себе удачи» (2002 г.);

«Пьеса для испорченного инструмента» (2006 г.);

аудиокнига «Почти зима, почти весна, почти что лето...» (2009 г.).

Желанный гость многих фестивалей авторской песни

в России и Украине.

